

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ НОВОГО
И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

И. С. ТУРГЕНЕВ —
РУССКИЙ ГАМЛЕТ
(К ВОПРОСУ
ОБ ОТНОШЕНИИ
И. С. ТУРГЕНЕВА
К ТРАДИЦИИ
РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ)

Священник Дмитрий Барицкий

кандидат богословия
доцент кафедры филологии МДА
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
baricky1981@yandex.ru

Для цитирования: *Барицкий Д., свящ.* И. С. Тургенев — русский Гамлет (к вопросу об отношении И. С. Тургенева к традиции религиозной веры) // Слово и образ. 2020. № 1 (2). С. 77–94. DOI: 10.31802/WI.2020.2.1.004

Аннотация

УДК 82-091 (821.161.1)

Настоящая статья посвящена исследованию вопроса о взаимоотношениях И. С. Тургенева и традиции религиозной веры. Приступая к этой теме, автор обращается к образу Гамлета, который выведен И. С. Тургеневым в статье «Гамлет и Дон-Кихот», а также в очерке «Гамлет Щигровского уезда», и является во многом автобиографическим. Особое внимание автора привлекает такая черта характера персонажа, как неверие и связанное с ним настроение тоски. Прямые параллели этому автор находит в биографии самого И. С. Тургенева, который переживал отсутствие веры как «личное несчастье», что, в свою очередь, явилось причиной формирования в его мыслях и творчестве специфической формы пессимизма.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, Гамлет, Дон-Кихот, пессимизм, тоска, смысл жизни, религия, вера, Бог.

Литературоведческая наука давно отказалась от той мысли, что смысл художественного произведения тождествен авторской интенции. Произведение искусства — не философский трактат, не техническая документация. Оно не обязано в деталях повторять формы сознания своего автора, хотя бы потому, что не все написанное осознается самим художником до конца. Потому общим местом стало признание того факта, что после своего создания художественный текст начинает жить самостоятельной жизнью. Его смысл актуализируется скорее тогда, когда он попадает в фокус сознания читателя.

И все же было бы большой ошибкой на этом основании игнорировать существование автора — живого человека, давшего жизнь произведению искусства. Ведь отчасти именно с ним мы вступаем в диалог, когда читаем текст. И если мы хотим вести этот диалог полноценно, необходимо дать автору возможность высказаться. Тем более это важно, когда речь идет о научном анализе произведения. Исследование его формальной организации только выиграет, если появление того или иного структурного компонента произведения, а также его значение можно будет объяснить фактами внутренней жизни писателя.

Для творчества И. С. Тургенева связь реального автора и созданного им художественного текста как нельзя более актуальна. «Художник в нем, — по словам Е. В. Петуховой, — находился в гармонии с человеком, и в произведениях отражалось настроение их автора»¹. Как замечал прот. В. Зеньковский, творчество И. С. Тургенева «нельзя оторвать от его мировоззрения»², причем до такой степени, что можно даже говорить об автобиографичности его произведений. Г. Тиме пишет по этому поводу: И. С. Тургенев «всегда был равнодушен ко всем своим героям — даже к тем из них, кто не был ему полностью близок. Определённый период своего времени писатель жил их жизнью, думал их мыслями, чувствовал, как они. Известно, например, что перед тем, как написать “Отцы и дети”, Тургенев вёл дневник от имени Базарова. А если учесть, что кроме конкретных прототипов, которые довольно часто имели тургеневские персонажи <...>, эти персонажи очень часто являлись и носителями определённых, зачастую глубоких философских идей, то авторская, хотя бы временная, (идентичность) героев приобретает особый смысл»³.

1 Петухова Е. В. О пессимизме И. С. Тургенева. Юрьев, 1897. С. 4.

2 Зеньковский В. В. Мирозерцание И. С. Тургенева // Русский путь. URL: https://www.rpnet.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php#_edn7.

3 Тиме Г. А. Немецкая литературно-философская мысль в контексте творчества И. С. Тургенева (генетические и типологические аспекты). Мюнхен, 1997. С. 9–10.

Учитывая вышесказанное, выявление ключевых факторов, повлиявших на формирование мировоззрения И. С. Тургенева, является важной задачей. Ее решение поможет объяснить литературоведу те или иные факты творческого наследия писателя. Одним из таких важных факторов является отношение И. С. Тургенева к религиозной вере. Настоящая статья, не претендуя на то, чтобы дать по этому вопросу исчерпывающий ответ, полагает своей целью в самом первом приближении определить границы того пространства, в рамках которого развивался диалог классика с христианской традицией.

В 1860 г. вышла в свет статья, которой было суждено стать программой всего творчества И. С. Тургенева, — «Гамлет и Дон-Кихот». В ней писатель выделяет два типа, «две коренные, противоположные особенности человеческой природы»⁴. Первый тип — Гамлет, второй — Дон-Кихот. Друг от друга, по мысли И. С. Тургенева, они отличаются своим отношением к идеалу: «для каждого из нас либо собственное я становится на первом месте, либо нечто другое, признанное нами за высшее»⁵.

Дон-Кихот — тот, кто всю свою жизнь посвятил служению высшему идеалу, который находится вне его. «Жить для себя, заботиться о себе — Дон-Кихот почитал бы постыдным. Он весь живет <...> вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам <...> В нем нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование»⁶. Он является воплощением силы, которую И. С. Тургенев называет центробежной. По закону этой силы «всё существующее существует только для другого»⁷. А потому личному счастью Дон-Кихот предпочитает следование долгу.

Гамлет, в отличие от Дон-Кихота, «весь живет для самого себя, он эгоист»⁸. Именно его «я» — та «исходная точка, к которой он возвращается беспрестанно <...>, он скептик — и вечно возится и носится с самим собою»⁹. Рефлексия в Гамлете достигает своего апогея. «Постоянно наблюдая за собою, вечно глядя внутрь себя, он знает до тонкости все свои недостатки, презирает их, презирает самого себя — и в то же время, можно сказать, живет, питается этим презрением»¹⁰. «Гамлеты» беспо-

4 Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот // Тургенев И. С. Сочинения. Т. 5. М., 1980. С. 331.

5 Там же.

6 Там же. С. 332.

7 Там же. С. 341.

8 Там же. С. 333.

9 Там же.

10 Там же.

лезны и асоциальны, они презирают толпу: «ничего ей не дают, они ее никуда вести не могут, потому что сами никуда не идут. Да и как вести, когда не знаешь, есть ли земля под ногами?»¹¹. Если Дон-Кихот олицетворяет собой центробежную силу природы, то Гамлет есть воплощение «центростремительной силы природы, по которой всё живущее считает себя центром творения и на всё остальное взирает как на существующее только для него»¹².

В этом причина тоски «гамлетов». Они желают утвердить свое «я», и таким образом достичь счастья, однако это не приносит им никакого удовлетворения, но только усугубляет страдания. Механизм возникновения этого настроения обстоятельно описывает М. Гершензон: «Когда наряду с естественным чувственно-волевым центром личности образуется в человеке другой, незаконный центр — рассудка, тогда цельность исчезает; непосредственное восприятие действительности становится невозможным, так как оно в самом зародыше разбивается рассудочным анализом. Оттого такой человек теряет чувство реальности <...> Отсюда развивается тяжелая метафизическая тоска <...>, человек, раздвоенный внутренне, силится разумом вправить себя в общее русло, мучится вопросом о смысле жизни или сознанием ее бессмысленности и, чувствуя себя не органической частью целого, а отщепенцем, *видит* это целое перед собою и *боится* его»¹³. Так возникает тургеневский тип «лишнего человека», который не просто социальный изгой, но в первую очередь «внутренний скиталец»¹⁴, страдающий мучительным разладом.

Безусловно, созданные И. С. Тургеневым образы Гамлета и Дон-Кихота, — это результат процесса художественной типизации и обобщения. Наблюдая за окружающей действительностью, писатель выбирал самые характерные, типичные черты, для того, чтобы их синтезировать и вывести на страницах своей статьи вечные типы человеческой натуры. Одним из важных источников, который также снабдил И. С. Тургенева необходимым материалом, стал его собственный опыт и жизнь собственной души. И именно образ Гамлета, по словам многих исследователей, отличается у писателя автобиографичностью. Как замечал по этому поводу М. Гершензон, «Тургенев и обожаемый им Дон-Кихот — антиподы,

11 Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот. С. 337.

12 Там же. С. 341.

13 Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. М., 1919. С. 49.

14 Федосеев Н. Г. И. С. Тургенев: К вопросу о «лишнем человеке» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 3–2. С. 130.

и противоположность между ними есть вечная противоположность двух духовных начал»¹⁵.

Наиболее ярко это сходство обнаруживает себя при анализе одного из очерков цикла «Записки охотника» — «Гамлет Щигровского уезда» (1849 г.). Здесь гамлетовский тип переносится на русскую почву. Рассказ посвящен теме разрушительной силы рефлексии и представляет собой монолог-исповедь Петра Петровича Лупихина. Герой сокрушается о том, что загубил молодость, участвуя в философских кружках, рассуждая на отвлеченные темы. Трагедия в том, что все это неприменимо к реальной жизни и, тем более, не может дать человеку счастья. Анализ автобиографической основы этого рассказа посвящена статья Е. Н. Левиной. Исследовательница проводит очевидные параллели между судьбой и умонастроением И. С. Тургенева и Лупихина. По ее словам, «за монологом тургеневского Гамлета, историей становления его личности, историей его духовной жизни отчётливо проступают черты биографии и личности самого писателя, его собственные размышления о своём месте и роли в жизни, его сомнения»¹⁶.

Так, подобно щигровскому Гамлету, писатель в молодости, не получив ответа на свои вопросы в русской действительности, «взял да и пустился, с богом, в чужую сторону, к нехристям», «ведь наука-то, кажись, везде одна, и истина одна»¹⁷. Он считал, что именно за границей находится источник подлинного знания. Так же, как Лупихин, который сокрушается о том, что в нем нет никакой оригинальности, писатель самым позорным считал быть похожим на других, а потому специально навязывал себе, по свидетельствам современников (например, П. В. Анненкова), разные качества и даже пороки, лишь бы как-то отличаться от окружающих и привлечь к себе внимание. Очевидные параллели возникают и на любовном поприще, где оба терпят фиаско. Подобно герою рассказа, И. С. Тургенев сомневается и в своем литературном таланте, вплоть до того, что порой хочет оставить писательство. Но, пожалуй, самое главное, что роднит классика и его литературное alter ego, — это настроение одиночества, ощущение бренности этой жизни и венчающее эти переживания чувство тяжелой тоски.

Письма И. С. Тургенева буквально пропитаны этой тоскливой тональностью. В 40 лет он уже ощущает себя стариком, которому больше

15 Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. С. 113.

16 Левина Е. Н. Автобиографические мотивы в рассказе И. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 61.

17 Тургенев И. С. Записки охотника // Тургенев И. С. Сочинения. Т. 3. М., 1979. С. 260.

нечего ожидать от этой жизни. Последняя представляется ему сонмом призраков. Вот что он пишет в 1862 г. графине Е. Е. Ламберт: «Земное всё давно ушло от меня, и я нахожусь в какой-то пустоте, туманной и тяжелой, и уже нисколько не расположен отворачиваться от картин разрушения, черных покровов, горя и т. п. <...> Я рад за Вас, что в Вас опять достало духу встретить жизнь “лицом к лицу”. А от меня она бежит, как змея, никак ее поймать не могу. Куда поймать! Не могу увидеть ее физиономию, узнать, какое наконец ее значение? Дни бегут — легко и вяло»¹⁸. Через полгода он пишет ей же: «Под старость я начинаю уподобляться мухе: солнце светит, ничего не болит, так и ничего больше не нужно»¹⁹. В 1873 г. в письме Я. Полонскому находим такие строки: «Холод старости с каждым днем все глубже проникает в мою душу, — сильнее охватывает ее; равнодушие ко всему, которое я сам в себе замечаю, меня самого пугает! — Вот уж точно могу сказать с Гамлетом: *How stale, flat and unprofitable / Seems me that life*»²⁰ («Какой мелкой, плоской и безобразной / Кажется мне эта жизнь»). Это настроение, лишь усугубляясь с течением времени, сопровождало И. С. Тургенева до самой смерти. Подводя итог в описании этого душевного расположения классика, М. Гершензон заключает: «Вне себя Тургеневу нечего было делать, а единственное дело, которое занимало его кровно, — устройство своего духа, оказывалось бесцельным <...> Отсюда пессимизм или “мировая скорбь” Тургенева»²¹. Подобное настроение неизбежно нашло отражение и в творчестве писателя. В области своей эмоциональной составляющей его произведений на первый план нередко выходит именно пессимистическая тональность.

Говоря о причинах формирования этого тоскливого настроения духа И. С. Тургенева, исследователи в первую очередь указывают на социально-культурные факторы, а также на особенности психологического характера его личности. При этом редко обращают внимание на вопрос взаимоотношения И. С. Тургенева и традиции религиозной веры. В то время как, на наш взгляд, обращение именно к этой области внутренней жизни писателя может пролить свет на особенности его мирозерцания.

О том, что гамлетовская тоска, от которой в определенной степени страдал и сам И. С. Тургенев, тесным образом связана с областью

18 *Тургенев И. С.* Письмо Е. Е. Ламберт. 2 (14) марта 1862. Париж // *Тургенев И. С.* Письма. Т. 5. М., 1988. С. 28.

19 Там же. С. 118–119.

20 *Тургенев И. С.* Письмо Я. П. Полонскому. 21 февраля (5 марта) 1873. Париж // *Тургенев И. С.* Письма. Т. 12. М., 2000. С. 112.

21 *Гершензон М. О.* Мечта и мысль И. С. Тургенева. С. 114.

религиозного, прямо свидетельствуют размышления писателя о двух ключевых типах человеческой природы. Они имеют ярко выраженный религиозный подтекст. Дон-Кихот, по словам классика, выражает собой «веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом, в истину, находящуюся *вне* отдельного человека, но легко ему дающуюся, требующую служения и жертв»²². Дон-Кихот «верит крепко и без оглядки»²³. Напротив, Гамлет олицетворяет собой «анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье»²⁴. В Гамлете «воплощено начало отрицания»²⁵. Он унылый скептик. Даже «если бы сама истина предстала воплощенною перед его глазами, Гамлет не решился бы поручиться, что это точно она, истина»²⁶. Говоря о безверии Гамлета, И. С. Тургенев подразумевает веру в самом широком смысле этого слова — как устремленность человека к идеалу, который находится вне его. Однако этот идеал может носить и вполне религиозный характер, подтверждение чему мы находим во многих произведениях классика²⁷. Не случайно поэтому, анализируя генезис своего тоскливого настроения в письме графине Е. Е. Ламберт, он упоминает и религию: «Как оглянусь я на свою прошедшую жизнь, я, кажется, больше ничего не делал, как гонялся за глупостями <...>. У нас нет идеала — вот отчего всё это происходит: а идеал даётся только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией»²⁸. Какова же история взаимоотношений И. С. Тургенева и религии?

И. С. Тургенев посещал православные богослужения, а также участвовал в таинствах Церкви с детского возраста (свидетельства об этом мы можем найти в его письмах). Однако, несмотря на это, его отношение к религиозной вере было сложным и внутренне противоречивым. Большую роль в этом сыграла та атмосфера, которая окружала его в юные годы. По словам одного из биографов писателя, Б. К. Зайцева, мы вряд ли найдем здесь пример живого христианства. Религиозность матери И. С. Тургенева, Варвары Петровны, женщины властной и деспотичной, была во многом формальна и местами граничила с обрядоверием. Уместно было бы даже сравнить ее набожность с набожностью Госпожи

22 Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот // Тургенев И. С. Сочинения. Т. 5. М., 1988. С. 332.

23 Там же. С. 332.

24 Там же. С. 333.

25 Там же. С. 339.

26 Там же. С. 335–336.

27 Пожалуй, самый яркий хрестоматийный пример — это неверие и проистекающее из него метафизическая тоска Евгения Базарова.

28 Тургенев И. С. Письмо Е. Е. Ламберт. 10 (22) июня 1856. Спасское // Тургенев И. С. Письма. Т. 3. М., 1987. С. 107.

Головлевой, которая своим фарисейским благочестием душила окружающих. Варвара Петровна старалась усердно соблюдать ритуал, однако сердцем была далека от евангельского духа. И об этом красноречиво свидетельствует ряд фактов ее биографии. Барыня была известна жестоким отношением к своим крепостным, могла единственно из-за плохого настроения отменить празднества Пасхальной седмицы, изменить церковный устав об исповеди, унизив священника²⁹. Да чего стоит только одна ее тяжба с сыновьями! Как метко заметил Б. К. Зайцев, всю жизнь «бес терзал ее сердце, воздвигая между нею и миром, между нею и собственными детьми непроходимую стену»³⁰. Православие в его традиционно-русском изводе было чуждо Варваре Петровне. Для нее это было «мужицкой» верой³¹, а потому «на нее, а уж особенно на ее служителей смотрела она свысока, вроде как на русскую литературу. Молитвы в Спасском произносились по-французски! Воспитанница читала ежедневно по главе “Imitation de Jesus Christ”»³². Об отношении Варвары Петровны к традиции христианского благочестия говорит и сама ее смерть: «после исповеди и причастия, когда начиналась агония, велела в соседней зале оркестру играть веселенькие польки — чтобы легче было отходить»³³. Безусловно, это была натура изломанная и страдающая, о чем красноречиво свидетельствуют строки из ее дневника, которые стали доступны И. С. Тургеневу уже после смерти матери: «...детки мои! Простите меня! И Ты, Господи, тоже прости меня, ибо гордыня, этот смертный грех, всегда была моим грехом!»³⁴

Да и другие домашние не явили И. С. Тургеневу примера живой веры. Его отец, Сергей Николаевич, «вовсе был далек от всего этого. Жил сам по себе, одиноко и без Бога, но при всей смелости своей был, как нередко именно мужественные и неверующие люди, суеверен: боялся не Бога, не смерти и суда, а домовых. То, как отец ходил за священником, освящавшим поздним вечером углы обширного дома, как колебалось пламя свечи и как жутко это было, маленький Тургенев запомнил. (Священник являлся тут для Сергея Николаевича чем-то вроде колдуна, заклинателя — одна таинственная сила противопоставлялась другой.) Но поэзия быта православного, существовавшая тогда в некоторых семьях,

29 Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева. Париж, 1949. С. 99–100.

30 Там же. С. 107.

31 Там же. С. 13.

32 Там же.

33 Там же. С. 107–108.

34 Дунаев М. М. Православие и русская литература. Ч. 3. М., 2002. С. 12.

Тургенева, к сожалению, не коснулась. Доброты, светлого уюта в отчете дома он не встретил — как-то с первых шагов оказался одиноким»³⁵.

Безусловно, красота природы имения в Спасском, где писатель провел свои детские годы, общение с простыми русскими людьми выступали резким контрастом этой малокровной версии христианства. Именно они заложили прочный фундамент его любви не к «небу», красоте которого ему никто так и не смог явить, а к «земле». Именно на эту почву и ложится увлечение И. С. Тургенева античностью и немецкой философией, для которой в большей степени характерно пантеистическое мироощущение.

Вероятно, именно по этой причине к религиозной, а именно христианской вере, в ее конкретном конфессиональном изводе, И. С. Тургенев относился довольно холодно. Уже на исходе своей жизни он писал: «Я преимущественно реалист <...>, ни в какие абсолютные системы не верю»³⁶. Религия для него — именно такая «абсолютная система», комплекс абстрактных идей. А потому и вполне закономерно, что он не находит никаких оснований любить их, как можно любить чувственное и осязаемое. Он недоумевает, как можно восхищаться не этой конкретной землей, а «вечной и пустой беспредельностью, этим небом, которое только благодаря земле такое синее и лучезарное»³⁷. Именно плоть этой жизни он предпочитает «всему тому, что херувимы, “эти прославленные парящие лики”, могут увидеть в небесах»³⁸.

Весь сознательный опыт говорил И. С. Тургеневу, что религия подавляет личное начало в человеке. Аскетизм был ему непонятен. Для писателя он был сродни самоистязанию, о чем красноречиво свидетельствует его замечание по поводу книги Даумера «Тайны христианской античности» (1847): «что есть истинного в его мысли — так это кровавая, мрачная, бесчеловечная сторона этой религии, которая должна была бы вся состоять из любви и милосердия. Вы не можете себе представить, какое тягостное впечатление производят все эти предания о мучениках... все эти бичевания, процессии, поклонения человеческим костям, эти аутодафе, ожесточенное презрение к жизни, отвращение к женщинам, все эти язвы и вся эта кровь!..»³⁹

35 Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева. С. 13.

36 Тургенев И. С. Письмо М. А. Милютиной. 22 февраля (6 марта) 1875. Париж // Тургенев И. С. Письма. Т. 14. М., 2003. С. 39.

37 Тургенев И. С. Письмо Полине Виардо. Понедельник, 1 мая 1848 (перевод с франц.) // Тургенев И. С. Письма. Т. 1. М., 1982. С. 392.

38 Там же.

39 Там же. С. 366.

Порой сопротивление И. С. Тургенева подобной религиозности достигает такого предела, что его высказывания о ней носят не просто равнодушно-атеистический, но даже бунтарский, богоборческий характер. Так, хорошо известны его слова по поводу драмы католического драматурга Кальдерона «Поклонение кресту», в которой тот проповедует идею обретения благодати через смирение: «Эта неколебимая, торжествующая вера, без тени какого-либо сомнения или даже размышления, подавляет вас своею мощью и величием, невзирая на все, что есть отталкивающего и жестокого в этом учении. Это полное истребление в себе всего, что составляет достоинство человека, перед божественною волей, глубокое безразличие, вместе с которым благодать снисходит на своего избранника, ко всему, что мы называем добродетелью или пороком, — ведь это еще одно проявление торжества человеческого разума, потому что существо, столь смело провозглашающее свое собственное ничтожество, тем самым становится наравне с этим фантастическим божеством, игрушкой которого человек признает себя. А это божество — оно само создание его рук. Тем не менее, я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, образец возмущения и индивидуализма. Как бы мал я ни был, я сам себе владыкя; я чочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати»⁴⁰.

Многие приводят эти слова классика как сознательное противление христианству, богоборчество. Однако, на наш взгляд, этот бунт И. С. Тургенева скорее напоминает бунт Гамлета. Несмотря на то, что Гамлет становится для него воплощенным отрицанием, символом неверия и скепсиса, как бы это парадоксально ни прозвучало, писатель замечает, что это его отрицание само по себе не есть зло, «оно само направлено противу зла». «Отрицание Гамлета сомневается в добре, но во зле оно не сомневается и вступает с ним в ожесточенный бой. В добре оно сомневается, т. е. оно заподозривает его истину и искренность и нападает на него не как на добро. А как на поддельное добро, под личиной которого опять-таки скрывается зло и ложь, его исконные враги <...> Скептицизм Гамлета, не веря в современное, так сказать, осуществление истины, непримиримо враждует с ложью и тем самым становится одним из главных поборников той истины, в которую не может вполне поверить»⁴¹. Этой же гамлетовской болезнью страдает и сам И. С. Тургенев. А потому не с живым Богом Евангелия он борется, а скорее со своим представлением о Творце, которое обусловлено отсутствием опыта

40 Тургенев И. С. Письмо Полине Виардо. Понедельник, 1 мая 1848. С. 377.

41 Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот. С. 340.

общения с личностным Богом. Сражается с теми интерпретациями христианства, которые предлагают ему окружающие, и которые зачастую есть не что иное, как та же самая сумма абстрактных, неживых схем. Поэтому и пишет он графине Ламберт: «Я не христианин в *Вашем* (курсив мой — Д. Б.) смысле, да, пожалуй, и ни в каком»⁴².

Подобным образом не против аскетизма как такового он восстает. И. С. Тургенев отдает должное тому нравственно-аскетическому подвигу, на который способны религиозные натуры, о чем красноречиво свидетельствуют его произведения (например, образ Лизы Калитиной из «Дворянского гнезда» и Софи из «Странной истории»). Он не приемлет аскетизма, основанного на идеологической схеме. Как заметил по этому поводу М. Гершензон, «в религии его поражало грандиозное напряжение самоотречения и отталкивал платонический характер этого самоотречения, его предметная пустота и бесчеловечность»⁴³.

И подтверждением вышесказанного служит ряд свидетельств. Большинство из них мы можем найти в его переписке с графиней Е. Е. Ламберт, женщиной верующей и воцерковленной. Она глубоко ценила свое общение с И. С. Тургеневым, очень бережно относилась к дружбе с ним. А потому считала важным писать ему исключительно «под влиянием серьезного и даже религиозного направления духа»⁴⁴. В каком-то смысле это провоцировало классика на искренний и откровенный разговор о смысле жизни, о вере, о Боге.

В том числе из этих писем мы узнаем, что, несмотря на свои порой резкие выпады против религии, в ней И. С. Тургенев видел путь преодоления того внутреннего разлада, который мучал современного ему человека и его самого. Так, в уже цитированном нами письме от 1856 г. он пишет: «У нас нет идеала, — вот отчего все это происходит: а идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукой) и религией»⁴⁵. Атеизм как явление рассматривается им как нечто ущербное. Об этом он писал еще И. Ф. Миницкому в 1853 г.: «Знайте, что без веры, без глубокой и сильной веры не стоит жить — гадко жить»⁴⁶.

42 Тургенев И. С. Письмо Е. Е. Ламберт. 22 августа (3) сентября 1864. Баден-Баден // Тургенев И. С. Письма. Т. 6. М., 1989. С. 46.

43 Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. С. 81.

44 Лукина В. А. Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год / отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2006. С. 146.

45 Цит. по: Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. С. 81.

46 Тургенев И. С. Письмо И. Ф. Миницкому. 12 (24) мая 1853. Спасское // Тургенев И. С. Письма. Т. 2. М., 1987. С. 227.

И. С. Тургенев словно чувствует некую сферу, какую-то высшую трансцендентную реальность, которая, однако, остается для него неведомой и недоступной. Так, в 1859 г. находим у него такие строки: «Присутствие постоянной мысли о тщете всего земного, о близости *чего-то*, что я назвать не умею. Слово: смерть — одно не выражает вполне этого *чего-то*, а потому обращение к Богу — рядом с порывами на заповедные зеленые луга»⁴⁷.

Именно в религии он видит средство, которое способно преодолеть страх смерти. Так, в конце 1861 г. он пишет: «Естественность смерти гораздо страшнее ее внезапности или необычайности. Одна религия может победить этот страх... Но сама религия должна стать естественной потребностью в человеке, — а у кого ее нет — тому остается только с легкомыслием или со стоицизмом (в сущности это всё равно) отворачивать глаза»⁴⁸. В себе он эту потребность не видел, поскольку не ощущал полнокровности этого пути. А потому его рассуждения осложняются нерешительностью и сомнениями. Так, в этом же письме он продолжает: «Одна моя знакомая... была поражена легкостью, с которой человек умирает, — открытая дверь заперлась — и только... Но неужели тут и конец! Неужели смерть есть не что иное, как последнее отправление жизни? — Я решительно не знаю, что думать...»⁴⁹

Показательны в этом отношении и строки письма классика А. И. Герцену в 1862 г.: «В отношении к Богу я придерживаюсь мнения Фауста:

Wer darf ihn nennen,
 Und wer bekennen:
 Ich glaub'ihn!
 Wer empfinden
 Und sich unterwinden
 Zu gagen: Ich glaub'ihn nicht!^{50,51}

47 Тургенев И. С. Письмо Е. Е. Ламберт. 12 (24) декабря 1859. Петербург // Тургенев И. С. Письма. Т. 4. М., 1987. С. 123.

48 Там же. С. 387.

49 Там же.

50 Буквальный перевод:
 «Кто решится Его назвать
 Или сказать: "Я верю в Него",
 Кто воспримет Его своим чувством
 Или осмелится сказать:
 "Я в Него не верю?"»

51 Тургенев И. С. Письмо А. И. Герцену. 10 (22) апреля 1862. Париж // Тургенев И. С. Письма. Т. 5. М., 1988. С. 51.

Может показаться, что это размышления агностика. Отчасти это так. Однако этот агностицизм осложняется жадной высшей смыслом и тоской по той реальности, которую мог бы открыть факт существования личного Бога. А потому, по словам А. И. Батюто, который комментирует вышеприведенное письмо, «Тургенев... оказывается то в положении Гете, лишь уважавшего “христианскую мораль”, то в положении Фауста с его жадной счастья, веры, вечной молодости и бессмертия»⁵².

О том, что И. С. Тургенева мучает именно метафизическая тоска, и о том, что эта была тоска по той истине, которая доступна именно на путях религиозной веры, свидетельствуют его слова той же графине Е. Е. Ламберт. Отвечая на ее упрек по поводу воспитания дочери, И. С. Тургенев пишет: «Почему Вы полагаете, что Полинька <...> не ходит в церковь? Я не только “не отнял Бога у нее” — но я сам с ней хожу в церковь. Я бы себе не позволил такого посягательства на ее свободу — и если я не христианин — это мое личное дело — пожалуй, мое личное несчастье»⁵³.

Порой эти тоскливые настроения по поводу своей «духовной немощи» переплетаются у него с надеждой на обретение веры. Подтверждением этому могут служить следующие строки: «да, земное всё прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет всё и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды»⁵⁴.

Учитывая все вышесказанное, нельзя не согласиться с замечаниями А. И. Батюто: «Тургенев ставит себя в обособленное положение по отношению к верующим, но его религиозному скептицизму не свойственны отличительные признаки победившего или побеждающего учения. Это скептицизм не воинствующий, не торжествующий, а скорее скорбящий; недаром он ассоциируется с “личным несчастьем”, под которым подразумевается, очевидно, и утрата последних надежд на возможность продолжения существования в “ином мире”»⁵⁵. Подобно тому

52 Батюто А. И. Тургенев-романист. Л., 1972. С. 51.

53 Тургенев И. С. Письмо Е. Е. Ламберт. 28 октября (9 ноября) 1862. Париж // Тургенев И. С. Письма. Т. 5. М., 1988. С. 129.

54 Тургенев И. С. Письмо Е. Е. Ламберт. 15 (27) ноября 1861. Париж // Тургенев И. С. Письма. Т. 4. М., 1987. С. 382.

55 Батюто А. И. Тургенев-романист. С. 50–51. К подобным выводам приходит в своем исследовании и Г. Б. Курляндская: «Тургенева угнетала “пустыньность неба”, “неразумность” природы, трагизм существования отдельной человеческой индивидуальности, ужас перед тем Ничто, которое и составляло основу мироздания. Эти пессимистические суждения и были своеобразным выражением метафизической тоски. В течение всей сознательной

как Гамлет трагически переживает отсутствие в этом мире истины и добра, так и И. С. Тургенев страдает от того, что не может увидеть в нем личного, бессмертного, заинтересованного в человеке Начала, которое на языке христианского богословия именуется Богом. Как точно заметил по этому поводу Б. К. Зайцев, «свое отсутствие веры он принимал не как знак своего превосходства, а как крест им носимый»⁵⁶.

Оттого и христианство, которое И. С. Тургенев изображает на страницах своих произведений, трагическое. С одной стороны, он чувствует его правоту и силу, уважает и преклоняется перед тем порывом самоотречения, на который способны люди, обладающие религиозной верой; с другой — конечную цель этого движения он видит не в преображении человеком своего «я» посредством отказа от греховной индивидуальности, а в уничтожении самого личного начала со всеми его высокими духовными порывами и стремлениями к личному счастью. Следование нравственному долгу, по мысли писателя, может привести лишь к восстановлению природного равновесия. А потому для него это еще и христианство вынужденное. В его героях живет «ощущение действующего в мире мирового закона, которому следует подчиниться добровольно, вопреки жажде счастья, в противном случае неотвратимо несчастье, возмездие за своеволие»⁵⁷. Причина этого очевидна. В мироощущении И. С. Тургенева нет личного Бога. По этому поводу Е. Н. Белякова справедливо замечает, что «признание изначальной вины за человеком — мотив христианский, осознанный писателем в той же мере, что и стоический закон. Вот только молитва невозможна, поскольку закон осознан и воспринят, а Бог — нет»⁵⁸. Так, не может молиться Елена после смерти Инсарова: «она опустила на колени, но молиться не могла. В ее душе не было упреков; она не дерзала вопрошать Бога, зачем не пощадил, не пожалел, не сберег, зачем наказал свыше вины, если и была вина? Каждый из нас виноват уже тем, что живет, и нет такого великого мыслителя, нет такого благодетеля человечества, который

творческой жизни Тургенев отдавался коренной неистребимой потребности в идеале предельного совершенства, т. е. безусловной духовности, пребывающей в природе и вне ее. Порою он приходил к признания высшей реальности, трансцендентной, недоступной человеческому разумению и потому почел необходимым «смириться» и преклонить голову перед «Неведомым»» (*Курляндская Г. Б. И. С. Тургенев. Мировоззрение, метод, традиция. Тула, 2001. С. 10–11*).

56 Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева. С. 19.

57 Белякова Е. Н. Христианская идея в художественном мире И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского. Дисс. канд. филол. наук. Кострома, 2000. С. 29.

58 Там же. С. 33.

в силу пользы, им приносимой, мог бы надеяться на то, что имеет право жить... Но Елена молиться не могла: она окаменела»⁵⁹.

Итак, христианство И. С. Тургенева — это скорее христианство Голгофы, чем христианство Пасхи и Воскресения, поэтому и не принимает И. С. Тургенев этот идеал всецело, но вынужден постоянно возвращаться к иному богу, имя которому природа. Именно здесь он пытается найти ответ, так как порой чувствует в ней «веяние Бога», которого, однако, не может назвать по имени. Однако же в большинстве случаев она отвечает ему равнодушием и безразличием. Все это является источником личной трагедии писателя, которая проецируется на его мысль и художественные произведения, формируя в них настроение тоски.

И все же, как однажды подметил М. Е. Салтыков-Щедрин, размышляя о произведениях И. С. Тургенева, «после прочтения их легко дышится, легко верится, легко чувствуется <...>, ощущаешь явственно, как нравственный уровень в тебе поднимается, что мысленно благословляешь и любишь автора <...>. Именно это впечатление оставляет после себя эти прозрачные, будто сотканые из воздуха образы, начало любви, света, во всякой строке бьющее живым ключом»⁶⁰.

Действительно, пессимизм творчества И. С. Тургенева особого рода. Как отмечал А. Батюто, это не тот «бесчувственный» пессимизм, который мы встречаем в холодной и отстраненной философии стоиков и Шопенгауэра. Пессимизм И. С. Тургенева жизнеутверждающий. Он является свидетелем «неистребимой любви к жизни и человеку, следствием тоски по идеалу, по какому-то иному, лучшему порядку в мире природы и в мире человеческих отношений...»⁶¹.

Именно такие светлые впечатления оставляют после себя размышления И. С. Тургенева о смерти Гамлета и Дон-Кихота. Как бы ни были различны идеалы и жизненный путь двух героев, оба, по словам писателя, умирают «трогательно»⁶². Первый, Гамлет, «смирняется, утихает <...>, умолкает навеки»⁶³. Смерть второго, Дон-Кихота, «навевает на душу несказанное умиление»⁶⁴. В итоге классик резюмирует: «Все пройдет, все исчезнет, высочайший сан, власть, всеобъемлющий гений, все рассыпется прахом...

59 Тургенев И. С. Накануне // Тургенев И. С. Сочинения. Т. 6. М., 1981. С. 297.

60 Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо П. В. Аннекову. 3 февраля 1859. Рязань // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 18. Кн. 1. М., 1975. С. 212.

61 Батюто А. И. Тургенев-романист. С. 39.

62 Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот. С. 347.

63 Там же. С. 347.

64 Там же.

Все великое земное
Разлетается, как дым...

Но добрые дела не разлетятся дымом; они долговечнее самой сияющей красоты. “Все минется, — сказал апостол, — одна любовь останется” <...> Нам нечего прибавить после этих слов»⁶⁵.

Именно благодаря апостольскому тексту тема любви, побеждающей смерть, получает религиозное измерение и свидетельствует, что в душе «русского Гамлета» — И. С. Тургенева все-таки теплилась искра надежды на то, что, если не здесь, в земной жизни, то там, после нее, человек найдет ответы на все свои вопросы и обретет вечный покой.

Источники

- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. / ред. коллегия: С. А. Макашин (глав. ред.) и др. Т. 18. Кн. 1. М., 1975.
- Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. (Сочинения: в 12 т.; Письма: в 18 т.) / ред. коллегия: М. П. Алексеев (глав. ред.) и др. М.: Наука, 1978–2018.

Литература

- Батюто А. И.* Тургенев-романист. Л.: Наука, 1972.
- Белякова Е. Н.* Христианская идея в художественном мире И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского. Дисс. канд. филол. наук. Кострома, 2000.
- Гершензон М. О.* Мечта и мысль И. С. Тургенева. М.: «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919.
- Дунаев М. М.* Православие и русская литература. Ч. 3. М.: Храм святой мученицы Татьяны при МГУ, 2002.
- Зайцев Б. К.* Жизнь Тургенева. Париж: YMCA-PRESS, 1949.
- Зеньковский В. В.* Мирозерцание И. С. Тургенева // Русский путь. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php#_edn7 (дата обращения: 01.10.2020).
- Курляндская Г. Б.* И. С. Тургенев. Мироззрение, метод, традиции. Тула: Гриф и К^о, 2001.
- Левина Е. Н.* Автобиографические мотивы в рассказе И. С. Тургенева «Гамлет Шигровского уезда» // Спасский вестник. 2012. № 20. С. 57–68.
- Лукина В. А.* Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 г. / отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 145–157.

- Петухова Е. В. О пессимизме И. С. Тургенева. Юрьев: тип. К. Матисена, 1897.
- Тиме Г. А. Немецкая литературно-философская мысль в контексте творчества И. С. Тургенева (генетические и типологические аспекты). Мюнхен: Otto Sagner Verlag, 1997.
- Федосеев Н. Г. И. С. Тургенев: К вопросу о «лишнем человеке» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 3–2. С. 125–133.

I. S. Turgenev – Russian Hamlet (Toward of Turgenev’s Attitude to the Religious Faith Tradition)

Priest Dmitry Baritskiy

PhD in Theology

Associate Professor at the Department of Philology
at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

baricky1981@yandex.ru

For citation: Baritskiy, Dmitry, priest. “I. S. Turgenev – Russian Hamlet (Toward of Turgenev’s Attitude to the Religious Faith Tradition)”. *Word and Image*, № 1 (2), 2020, pp. 77–94 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2020.2.1.004

Abstract. This article is devoted to a study of Turgenev’s relations with the traditions of religious faith. Getting to this topic, the author refers to the image of Hamlet, which was derived by I. S. Turgenev in his article «Hamlet and Don Quixote», as well as in his story «Hamlet of Shigrov district» and is largely autobiographical. The author’s special attention is drawn to the character trait of the hero of disbelief and longing associated with it. The author finds direct parallels in the biography of I. S. Turgenev himself, who experienced a lack of faith as a «personal misfortune», which in turn led to the formation of a specific form of pessimism in his thought and work.

Keywords: I. S. Turgenev, Hamlet, Don Quixote, pessimism, longing, meaning of life, religion, faith, God.

References

- Batyuto A. I. (1972) *Turgenev-romanist [Turgenev the Novelist]*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Dunayev M. M. (2002) *Pravoslaviye i russkaya literatura. Part 3 [Orthodoxy and Russian Literature. Part 3]*. Moscow: Church of St. Tatiana the Martyr at Moscow State University (in Russian).
- Fedosyenko N. G. (2008) “K voprosu o ‘lishnem cheloveke’” [“On the Question of ‘Extra Person’”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika*, no. 3–2, pp. 125–133 (in Russian).
- Kurlyandskaya G. B. (2001) *I. S. Turgenev. Mirovozzreniye, metod, traditsii [I. S. Turgenev. Worldview, Method, Traditions]*. Tula: Grif i K° (in Russian).

- Levina E. N. (2012) "Avtobiograficheskiye motivy v rasskaze I. S. Turgeneva 'Gamlet Shchigrovskogo uyezda'" ["Autobiographical Motives in the Story of I. S. Turgenev 'Hamlet of the Shchigrovsky District'"]. *Spasskiy vestnik*, no. 20, pp. 57–68 (in Russian).
- Lukina V. A. (2006) "Tri pis'ma grafini E. E. Lambert k I. S. Turgenevu" ["Three Letters from Countess E. E. Lambert to I. S. Turgenev"], in T. G. Ivanova (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 g.* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2001]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, pp. 145–157 (in Russian).
- Time G. A. (1997) *Nemetskaya literaturno-filosofskaya mysl' v kontekste tvorchestva I. S. Turgeneva (geneticheskiye i tipologicheskiye aspekty)* [German Literary and Philosophical Thought in the Context of I. S. Turgenev's Creativity (Genetic and Typological Aspects)]. Munich: Otto Sagner Verlag (in Russian).
- Zaytsev B. K. (1949) *Zhizn' Turgeneva* [Turgenev's Life]. Paris: YMCA-PRESS (in Russian).
- Zen'kovskiy V. V. (2020) *Mirosozertsaniye I. S. Turgeneva*, available at: https://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php#_edn7 (01.10.2020).